

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

МАТЕРИАЛЫ VIII РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск
2010

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВООЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Р. Ю. Шульга

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ

Правозащитная деятельность в России наиболее активно развивалась в начале 1990-х годов – многочисленные правозащитные организации, подерживаемые благотворительными фондами, в основном иностранными, проводили в жизнь различные программы в построении гражданского общества. Согласно программным заявлениям прежнего Президента РФ В.В. Путина, развитие гражданского общества стало одной из приоритетных задач при проведении реформ. Усилия властей по созданию формальной структуры для осуществления гражданской деятельности привели сначала к созыву в 2001 году «Гражданского форума» [1], а позднее – в 2005 году – созданию Общественной палаты [2] в качестве «дополнительной возможности для развития гражданского общества в стране» [3]. Кроме этого, в ноябре 2004 года реорганизована Комиссия по правам человека при Президенте России в Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека [4]. Со стороны властей идут активные попытки также поддержки развития гражданского молодёжного движения (например, молодёжное движение «Наши»).

На этом «благополучном» фоне усилий властей по поддержке развития гражданского общества, тщательно проверяются гражданские организации на предмет финансирования их «влиятельными зарубежными фондами» или «отстаивания ими «сомнительных групповых и коммерческих интересов» (из ежегодного послания Президента России В.В.Путина Федеральному собранию 2004 года [5]). При этом внутренних источников финансирования для развития независимого правозащитного движения практически не существует. Существующие грантовые конкурсы со стороны прогосударственных структур на практике сводятся к помощи группам, лояльным по отношению к федеральной или местной власти, а финансовая поддержка со стороны крупного российского бизнеса постоянно наталкивается на те или иные препятствия со стороны властей (например, уголовное преследование Ходорковского).

На этом фоне ужесточения властями контроля по отношению к организациям правозащитной направленности, а также разочарованием скромными результатами своей деятельности из страны уходят иностранные доноры (достаточно вспомнить свёртывание всех своих благотворительных программ на территории России Фонда Сороса в 2003 году, вынужденное закрытие офисов Британского Совета, закрытие деятельности Фонда «Евразия»).

Хотя надо признать, что некоторые направления деятельности даже в подобных жёстких условиях контроля властей, усилились и активизировались, в особенности те, которые ориентированы на предоставление социальных

услуг. Кроме того, усиливаются уличные протесты, гражданская мобилизация граждан, что заставляет вспомнить об истоках «настоящего» гражданского общества, которое строится снизу вверх. Достаточно вспомнить протесты против монетизации льгот в январе 2005 года, многочисленные «автомобильные» акции протеста, в частности, против запрета использования японских автомобилей с правосторонним рулём; против новых налогов на дороге автомобили и против изменения правил дорожного движения; против строительства автодороги через Химкинский лес; публичные выступления против точечной застройки и повышения коммунальных тарифов, акции обманутых дольщиков, забастовки рабочих [6].

Подобная гражданская активность связана почти исключительно с ущемлением личных интересов. Протест возникает либо когда отбирают последнее, либо когда власти (или те, кто умеет заручиться их поддержкой) покушаются на добытое собственным трудом.

Публичные акции, направленные на защиту социально-экономических прав, стали носить по преимуществу эгоистический характер: люди решаются на протест, если нарушены их собственные права. В этом отличие правозащитной деятельности начала 1990-х годов и ранее от современных правозащитных протестов. Выходя на митинг, граждане рассчитывают на восстановление справедливости в отношении себя лично. За редким исключением протест возникает *ad hoc*: в ответ на конкретное повышение тарифов или конкретный строительный проект, ухудшающий условия жизни тех, кто живёт поблизости. Завершившиеся акции не оставляют после себя организованной группы. Добившись своего или (что происходит чаще) увидев, что их действия бесперспективны, участники протеста просто расходятся. Хотя в последние годы налицо тенденция роста низовой активности, общественная солидарность остаётся низкой, и горизонтальные связи практически не возникают.

Необходимо обратить внимание, что в отличие от раннего правозащитного движения, особенностью нынешних протестов является то, что они происходят в полном отрыве от политики, предъявления каких-либо политических требований. Сокращение или даже прямой отъём политических прав, якобы гарантированных Конституцией России [7] оставляют подавляющее большинство россиян равнодушными (например, что произошло после лишения граждан права избирать главу региона). Одной из причин можно считать то, что, в отличие от автомобиля или денег на покупку жилья, политические и гражданские права никто себе не добывал. Они достались «даром», были подарены «сверху», а потом сверху же и отобраны, вот и не возникает желания их отстаивать.

Кроме того, российские граждане не рассматривают политические права как инструмент для решения социальных проблем. Патерналистская модель, в рамках которой люди оказались радикально отодвинуты от политического процесса, была добровольно принята российским обществом. В условиях

растущего благосостояния граждане отказались от участия в принятии политических решений и предоставили властям полную свободу действий.

Пассивная лояльность гражданского общества по отношению к власти традиционна для России, но впервые в российской истории лояльность обеспечивается не кнутом, а пряником.

Поскольку цена на нефть продолжает оставаться достаточно высокой, у государства нет недостатка в так называемых «пряниках». Те, кто считают, что их так или иначе обделили, организуют митинги протеста. Власть сама выбирает какие требования удовлетворить, а на другие просто не обращает внимание или попросту разгоняет или запрещает (что происходит с активистами «Другой России» или что произошло с кандидатами на последних выборах в Московскую городскую Думу от объединённого демократического движения «Солидарность»). Пока обиженные не могут рассчитывать на широкую поддержку населения, пока не возникает веских причин – и нет организационных возможностей – для массового, масштабного протеста, публичные акции не представляют серьёзной угрозы для власти.

Таковы современные тенденции развития правозащитного движения в России.

Примечания

1. См., подробнее: Гражданский форум: Год спустя / Под ред. Н.М.Дорошевой. М.: САФ, 2003.

2. См.: Федеральный закон от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ (в редакции от 23 июля 2010 года) «Об Общественной палате Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

3. Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России? // Pro et Contra. 2006. № 1 (31). С. 6-24.

4. См.: Указ Президента Российской Федерации от 6 ноября 2004 года № 1417 (в редакции от 10 февраля 2009 года) «О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека». // Собрание законодательства РФ. 2004. № 46 (ч. II). Ст. 4511.

5. См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 26 мая 2004 года «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». // Российская газета. 2004. 27 мая.

6. См., например: Грин С., Робертсон Г. Новое рабочее движение. // Pro et Contra. 2008. № 2-3 (41). С. 36-58.

7. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ). // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРЕСА В КОРПОРАТИВНЫХ НОРМАХ И НОРМАХ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

С. В. Кружкова

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ

Категория «интереса», «законного интереса» в науке права рассматривалась неоднократно; в сущности, интерес является одной из основных характеристик права, которая и позволяет последнему выполнять функцию универсального регулятора и синтезатора разнородных общественных потребностей.

Интерес движет людьми, служа одним из самых значимых мотивов совершения действий. Вступая в правоотношение, лицо руководствуется своим личным интересом, в то же время, признавая и подчиняясь интересу публичному, государственному.

Сознательное ограничение и отказ от некоторых стремлений «в пользу общества» объясняется по-разному – начиная от психологической теории права Л.Петражицкого и заканчивая идеей Л.Дюги об отсутствии у людей субъективных прав и необходимости подчиняться объективному праву в силу взаимной зависимости.

В любом случае, каждая из выдвинутых теорий объясняет лишь один феномен – подчинение государственно-властному велению. Однако в обществе существуют и иные регуляторы, которые действуют на него не в меньшей, а иногда и большей степени, нежели нормы права: обычаи, традиции, нормы морали, религии, корпоративные нормы, нормы саморегулируемых организаций и др. Опуская глобальный вопрос о том, почему лица вообще подчиняются социальным регуляторам и праву в частности, представляется целесообразным отдельно рассмотреть принцип действия двух последних регуляторов – корпоративных норм [1] и норм саморегулируемых организаций [2].

Несмотря на то, что вырабатываются они на одном уровне – уровне юридического лица, между ними имеются серьезные различия, которые определяют их силу и механизм принудительного обеспечения. Как представляется, именно интересы и потребности членов (участников) организации будут определять эффективность действия таких норм: чем более лицо заинтересовано в достижении с помощью организации того или иного результата, тем более приемлемыми для него будут казаться возможные ограничения прав и возложение дополнительных обязанностей.

Возможность удовлетворения потребностей членов организаций обуславливается структурой правоотношений, участниками которых они являются. Корпоративные правоотношения являются общими как для корпораций, так и для саморегулируемых организаций, однако, по мнению автора, различаются по характеру социальных связей, устанавливаемых между организацией и ее членами.